

детей»⁴¹³. Однако, еще до издания этого указа некоторые представители духовенства открывали домашние школы. Так, например, дьякон Зуриной церкви П. Сергеев обучал на дому удмуртских детей. Обучение в этой школе проходило так: вначале библиейский текст читался на церковно-славянском языке, а затем дьякон объяснял его на удмуртском. Для того, чтобы дети лучше знали русский язык, П. Сергеев требовал от них разговаривать в школе только на русском и, по возможности, упражняться и дома. За время своей работы П. Сергеев обучал около 160 детей. В 1866 г. за свою деятельность он был удостоен положительного отзыва директора Вятской губернской гимназии и награды в 50 руб. Эти деньги дьякон раздал своим лучшим ученикам⁴¹⁴.

В 1872 г. в Малмыжском уезде существовало четыре домашних школы. В с. Цыпля в доме дьяка Устюгова обучались удмурты, русские и крещеные татары, в с. Мамсинери в доме дьяка Сатрапинского учились марийцы и в деревнях Бекмешево и Старая Цыпля учились крещеные татары. Всего в этих школах училось около 50 чел.⁴¹⁵ Эти школы получали ежегодное пособие от Вятского комитета миссионерского общества в размере 25 руб. и в 1871 г. единовременное пособие от Министерства народного просвещения в размере 175 руб.

Конечно, подобное явление не было повсеместным. Однако такая просветительская деятельность духовенства приносила, особенно в удмуртских приходах, большую пользу, чем ведомственные образовательные учреждения. Кроме того, на базе таких домашних школ впоследствии нередко возникали официальные училища.

Таким образом, школы духовного ведомства сыграли значительную роль в распространении начального образования на территории Удмуртии.

Ф.В. Бондаренко
Екатеринбург

УЧАСТНИКИ ДЕКАБРИСТСКОГО ВОССТАНИЯ 1825 ГОДА НА УРАЛЕ

В отечественной истории многие установки длительное время считались незыблемыми. К таковым можно отнести и декабрьское восстание 1825 г., один из самых мифологизированных сюжетов советского исторического и общественного сознания.

В советской историографии была выстроена традиционная система отношений между различными группами высшего правящего класса России. Одни – либералы, которые пытались повернуть Отечество на светлую дорогу, обустроенную по западным образцам, другие – консерваторы, которые пытались сохранить костную, ретроградную систему крепостного права. При всей сложности рассматриваемой проблемы история советского периода считала основной заслугой этого движения то, что оно всколыхнуло массы спящей России и дало толчок либеральным течениям, одно из которых возглавил А.И. Герцен.

По выражению классика русского марксизма В.И. Ленина, можно так обозначить эту установку: «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала – дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию»⁴¹⁶.

К работам отечественных классиков Нечкиной М.В. и Эдельмана И.Я. по данной теме выстроенных в русле существовавшего классового подхода к истории, казалось бы добавить уже нечего. Но в последнюю четверть XX в., после долгих лет затишья тема эта

⁴¹³ ЦГА УР, ф.134, оп.1, л.276, л.227.

⁴¹⁴ ВЕВ. 1869. № 10. С.220.

⁴¹⁵ ВЕВ. 1872. № 4. С.95.

⁴¹⁶ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.21. М., 1961. С. 261.

вновь стала актуальной. Толчком послужил процесс отхода от жесткой идеологической установки государства в историко-социальном блоке наук. Ряд межвузовских конференций, проходивших в начале 90-х гг. в Киеве, а также работы Горбачевского И.И., Рахматуллина М.А., Киянской О.И. положили начало в изменении исторических подходов к изучению движения декабристов.

Особенно следует выделить последнего автора. В ее статьях, посвященных данной теме, а также книгах («Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик». М., 2002., «Пестель» М., 2005)⁴¹⁷ удалось подойти к данной проблеме по-новому, в основном благодаря привлечению неизвестных архивных сведений. Привлечение крайне редко используемых военных материалов, которые позволили начертать кардинально иную картину заговора.

Об этом пишет в своей статье О.И. Киянская: «И дело здесь не только и не столько в том, что декабристы сочувствовали простому народу. Декабристы не могли примириться с тем, что их права, их политическая активность ограничены. Они принципиально не принимали идею ограничения прав и требовали свободы, причем не только для дворян, но и для тех сословий, которые были бесправны»⁴¹⁸. Параллельно с этим была исследована линия «заговора в заговоре» со стороны военной элиты, а также источники финансирования тайных обществ.

Исследователи движения декабристов зачастую основной упор делали на персоналиях, подвергшихся репрессиям правящей монархии. При этом незаслуженно оставались в тени другие достойнейшие сыны Отечества. Они были необоснованно подвергнуты забвению, хотя их основными «прегрешениями» служили только отсутствие судимости за участие в тайном обществе и беззаветное служение Родине в рамках, установленных законом. Сохраняя либеральные взгляды и убеждения, выработанные в военных походах Отечественной войны 1812 г. и заграничных походах, они привнесли себя на алтарь служения своей стране.

Много лет спустя, вспоминая события минувших лет, декабрист М.А. Фонвизин писал: «В походах по Германии и Франции наши молодые люди ознакомились с европейской цивилизацией, которая произвела на них тем сильнее впечатление, что они могли сравнивать все виденное ими за границей с тем, что им на всяком шагу представлялось на Родине: рабство огромного большинства русских, жестокое обращение начальников с подчиненными, всякого рода злоупотребления власти, повсюду царствующий произвол – все это возмущало и приводило в негодование образованных русских и их патриотическое чувство»⁴¹⁹. Таковых было немало сделавших блестящую карьеру при Николае I бывших членов тайных обществ – братья Перовские, Михаил Муравьев, Кавелин, князь Суворов, Траббе, Нечаев, Глинка.

В советский период истории Урала мало уделяли внимания исследованию данной проблемы. Это объяснялось тем, что судьбы участников восстания, идейно близких советской идеологии, не были связаны с территорией Свердловской области. Лишь транспортировка заключенных в Сибирь и их возвращение из ссылки становились объектом исследования. Таковой является работа О.В. Тальской «Декабристы в Екатеринбурге»⁴²⁰. А тем участникам тайных обществ, которые не были осуждены, на долгое время присвоены нелицеприятные ярлыки. Так, А.Н. Пятницкий, оценивая деятельность В.А. Глинки, подчеркивал: «Николаевский военный режим на Урале утверждал Глинка – генерал, главный начальник уральских горных заводов. .... Жестокий диктатор, большой самодур, Глинка именвал себя «царем». Самодурство его не знало границ. ... Работа на казенных заводах во времена Глинки была настоящим адом...»

⁴¹⁷ Киянская О.И. Пестель. М., 2005. 335 с.

⁴¹⁸ Киянская О.И. Мой ответ рецензентам // Отечественная история 2006. №6 С. 163.

⁴¹⁹ Павлова Л.Я. Декабристы – участники войн 1805 – 1814 гг. М., 1979. С. 98.

⁴²⁰ Тальская О.С. Декабристы в Екатеринбурге. Свердловск 1957.

Ему вторил М.А. Горловской: «...Глинка был одним из наиболее ярко выраженных представителей военного феодально-крепостнического режима. ... Он был сторонником суровой военной дисциплины, верным слугой царя в крепостников-помещиков. ... С первых же дней приезда на Урал Глинка вел решительную борьбу с крестьянскими волнениями и недовольством мастеровых. Для подавления крестьянских волнений и «обуздания своеволия заводских людей», как любил выражаться Глинка, он не останавливался перед самыми жестокими мерами»⁴²¹.

Между тем даже простое перечисление заслуг генерала В.А. Глинка перед Пермской губернией и Екатеринбургом во время его управления Горной администрацией вызывает уважение. Количественный рост домов в городе: 1835 г. – 2486, 1847 г. – 2998, начало 1860-х гг. – 3274. Утверждение в 1845 г. генерального плана города, позволило избежать хаотичной застройки. О Екатеринбурге с уважением говорили многие, кто здесь побывал в это время, в том числе и иностранцы: «Британский путешественник Аткинсон, посетивший Екатеринбург в 1847 г., а затем вернувшийся в 50-х гг., был восхищен его внешним видом. По его мнению, многие екатеринбургские дома «были выстроены в таком изящном стиле и с таким вкусом, что могли бы с полным правом занять место в каждом большом европейском городе»⁴²². Слова британца подтверждали российские путешественники: Э.К.Гофман, впервые посетивший Екатеринбург в 1843 г., и И.Ф. Бларамберг, побывавший здесь в 1848 г.

В 1845 г. был одет в камень правый берег городского пруда, на котором находилась резиденция генерала. Появились здания театра, Благородного собрания. «В истории Екатеринбурга с именем Глинка связана пора расцвета и украшения», – утверждало «Уральское горное обозрение» в начале XX в.»⁴²³.

Именно под началом В.А. Глинка развернулась работа по рациональному использованию лесов, внедрению новых технологических процессов в металлургии, применению минеральных источников топлива взамен древесного угля. Это лишь небольшая часть благих дел В.А. Глинка для Екатеринбурга и Урала.

Лишь в последнее десятилетие XX в. удалось вернуть доброе имя В.А. Глинка. Ряд публикаций в периодической прессе местных историков, а также объемная, построенная на ярком историческом материале монография В.А. Шкерина «Генерал Глинка. Личность и эпоха», помогли глубже понять и по достоинству оценить вклад Владимира Андреевича в развитие Уральского края.

Суммируя вышесказанное, можно выделить несколько проблем в изучении и сохранении памяти о деятельности бывших декабристов на Урале.

Во-первых, историко-географический парадокс, возникший на Урале в XX в. Уралу принадлежит честь пребывания на его земле, кроме В.А. Глинка, и других известных исторических личностей, в частности, самой западной точкой, где отбывали ссылку участники восстания декабристов, был Туринск Тобольской губернии. Здесь находились в разные периоды И.И. Пущин, В.П. Ивашев, И.А. Анненков, Н.В. Басаргин, А.Ф. Бриттен, С.М. Семенов. В дальнейшем, в XX в., этот регион перешел в состав уральских административных образований. В связи, с этим ни сибирские, ни уральские историки не уделили достойного внимания данному периоду жизни Туринска. Хотя пребывание в маленьком уездном городе в коротком временном отрезке высокообразованных, благородных носителей культурных ценностей не могло ни сказаться на общественной жизни горожан. Работа О.К. Буланова-Трубникова «Три поколения»⁴²⁴, и ряд работ местных краеведов, опубликованных к 400-летию Туринска, отмечавшего юбилей в 2000

⁴²¹ Шкерин В.А. Генерал Глинка. Личность и эпоха. Екатеринбург, 1998. С. 9.

⁴²² Там же. С. 113.

⁴²³ Там же.

⁴²⁴ Буланова-Трубникова О.К. Три поколения. М., 1928. 214 с.

г., а также публикации курганского историка Ф. Еришова, приоткрыли завесу тайны о пребывании декабристов на Урале⁴²³.

Во-вторых, как бы не оценивались итоги декабрьского восстания отечественными историческими школами, влияние декабристов на развитие общественно-политической жизни России неоспоримо. Необходимо более глубоко и подробно исследовать также вклад в государственную и общественную жизнь Урала всех участников тайных обществ начала XIX в.

В-третьих, недостаточно исследованным оказалось влияние масонских лож на тайные общества начала XIX в. в России и пути их проникновения на Урал.

В-четвертых, нового прочтения и анализа требуют источники эпистолярного жанра. Именно в них можно найти неизвестные светлые черты, характеризующие внутренний мир декабристов.

В-пятых, необходимо закончить дело, начатое в 90-х гг. прошлого века: восстановление исторических названий в облике наших городов. Без всяких всплесков общественного мнения можно отказаться от засилья иностранных имен в названиях наших улиц: Р.Люксембург, К. Либкнехт, К. Цеткин, А. Бебель, А. Барбюсс, Н. Сакко и Б. Ванцетти, П.Лумумба и всевозможные испанские и венгерские рабочие. Вклад в становление Екатеринбурга как «столицы горнозаводского края», в частности В.А. Глинки, неоспорим. Поэтому увековечить его имя в названии любой из улиц нашего города вполне уместно. Нельзя также стирать из исторической памяти имена побывавших на Урале декабристов.

Наше историческое наследие не следует восприниматься ни как повод для гордости, ни как что-то, чего следует стыдиться. Историю требуется постигать во всей ее объемности и разноликости. Только в ходе длительного и многотрудного процесса мы сможем обрести и сохранить свою индивидуальность и идентичность нашему историческому прошлому.

Е.С. Бочкарева
Екатеринбург

ВОССТАНИЕ Е. ПУГАЧЕВА НА ЮЖНОУРАЛЬСКИХ ЗАВОДАХ **Л.И. ЛУГИНИНА**

В 1773 – 1775 гг. весь юго-восток России, Урал, районы Среднего и Нижнего Поволжья, Западной Сибири были охвачены крестьянско-казацким восстанием под руководством донского казака Емельяна Пугачева, который объявил себя чудесно спасшимся от смерти императором Петром III. Советские историки это восстание квалифицировали как крестьянскую войну, хотя в действительности социальный состав участников движения был сложным, а инициатором восстания явилось казачество. Движение получило широкую поддержку среди яицких казаков, русских крестьян, горнозаводского населения Урала, нерусских народов: башкир, калмыков, татар, марийцев, мордвы, удмуртов.

К началу восстания Л. И. Лугинин владел двумя заводами на Южном Урале: Златоустовским и Троице – Саткинским. Оба эти завода были куплены им незадолго до событий 1773 – 1775 гг. Военные действия проходили на обоих предприятиях заводоладельца, и Златоустовский, и Саткинский заводы пострадали в период восстания.

С осени 1773 г. Златоустовский и Саткинский заводы начали испытывать влияние народных волнений. Начались набеги башкир на рудники и угольные курени. Например, в декабре 1773 г. бунтующие «башкирцы во многолюдстве» в районе Златоустовского завода забрали из местных рудников Кинзиковского, Кириябинского и Шартымского

⁴²³ Еришов М. Туринск в конце XVIII – начале 60-х гг. XIX в. Шадринск, 2000. 18 с.